

СЕРИЯ: «СИГНАЛ»

Книга 3

ЗОЛОТОЙ ЯД

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Золотой яд

«Автор»

2026

Карадениз М.

Золотой яд / М. Карадениз — «Автор», 2026

Пустыня Сахара, север Мали. Золото здесь дороже человеческой жизни. Здесь, среди барханов, люди умирают от неизвестной болезни. Врачи бессильны. Власти молчат. А за песчаными дюнами один за другим исчезают те, кто мог бы рассказать правду. Команда «Сигнал» получает сигнал из самой глубины пустыни. Там, где песок скрывает нечто более страшное, чем тайники контрабандистов. Её задача — найти источник заразы и уничтожить его. Но в Мали действуют силы, у которых свои планы на этот регион. Вооружённые люди, не подчиняющиеся местным властям, секретные конвои, странные контейнеры. Золото здесь — лишь прикрытие для того, что действительно везут через пустыню. Кира Соболева и её команда снова в игре. У них есть всего десять дней, чтобы предотвратить катастрофу, о которой мир даже не подозревает. И каждый шаг в песке может стать последним. «Золотой яд» — третья книга серии «Сигнал». Правда никуда не уходит. Она просто ждёт в пустыне.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «Сахара, север Мали. 26 апреля 2026 года. 23:47.»	6
ЧАСТЬ I. «ЗОЛОТОЙ ЯД»	9
ГЛАВА 1. «СИГНАЛ ИЗ ПЕСКА»	9
ГЛАВА 2. «ТОТ, КТО ВЫЖИЛ»	13
ГЛАВА 3. «ПАРИЖСКИЙ АРХИВ»	17
ГЛАВА 4. «БАЛТИМОРСКИЕ ПРОБЫ»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Золотой яд

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Сахара, север Мали. 26 апреля 2026 года. 23:47.»

Ночь в пустыне не бывает чёрной. Луна здесь — хозяйка, и она не терпит темноты. Её свет падал на барханы, окрашивая песок в молочно-белый цвет, создавая длинные, причудливые тени, которые двигались, когда ветер менял направление. Звёзды висели низко, тяжело, как капли расплавленного олова, готовые сорваться вниз. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался голосом самого неба.

Колонна «Африканского корпуса» растянулась на два километра. Восемь БТР-82А, три «Тигра» с крупнокалиберными пулемётами, полтора десятка грузовиков «Урал» с прицепами, затянутыми брезентом. Полторы сотни человек. Российские наёмники. Люди, которые видели Сирию, Ливию, ЦАР. Для которых пустыня была домом, а смерть — работой.

Они шли из Кидаля на юг, к границе с Нигером. Золото. Восемь тонн золотоносного концентрата, упакованного в герметичные контейнеры. Официально — для «охраны рудников». Неофициально — никто не знал, что на самом деле везут эти контейнеры. Даже те, кто их охранял.

Головной БТР, позывной «Барс-1», шёл первым, утюжа песок широкими гусеницами. Внутри было тесно, душно, пахло соляной кислотой и потом. Майор ГРУ Дмитрий Волков сидел у командирского люка, сжимая в руке планшет. Тридцать семь лет. Короткая стрижка, квадратная челюсть, глаза, которые видели слишком много, чтобы удивляться.

— Чисто, — доложил водитель, всматриваясь в приборы ночного видения. — Никого.

— Не нравится мне это, — ответил Волков. — Слишком тихо.

Он знал эту тишину. Она всегда предшествовала беде.

Позади, в кузове «Урала», под брезентом, стояли контейнеры. Волков видел их, когда грузили в Кидале. Обычные металлические ящики, серые, неприметные. Но на одном была маркировка, которой там быть не должно. Символ. Волна. Три изогнутые линии, нарисованные белой краской.

Он спросил у командира роты, капитана Бережного: «Что это?»

Бережной посмотрел на него так, будто Волков спросил, который час на Солнце.

— Не твоё дело, майор. Твоё дело — охранять.

Волков не стал спорить. Он был из ГРУ, но здесь, в Корпусе, его слово значило меньше, чем погоны Бережного. Тем более что Бережной был из «старых», вагнеровских, тех, кто прошёл Бахмут и Пальмиру. Они не доверяли «новым» из Министерства обороны.

Волков не знал, что в этих контейнерах. Но чувствовал: что-то не так. Что-то, за что их могут убить.

Взрыв пришёл не со стороны дороги. С неба.

Первый удар пришёлся в головной БТР. Волков почувствовал, как машину подбросило, как лопнули барабанные перепонки, как мир перевернулся, смешивая песок, огонь и сталь. Он ударился головой о броню, потерял сознание на секунду, не больше.

Когда открыл глаза, «Барс-1» лежал на боку. Внутри всё горело. Водитель был мёртв — осколок пробил броню и вошёл ему в затылок. Стрелок-оператор кричал, пытаясь выбраться из люка, но его нога застряла в обломках.

Снаружи стреляли. Не из автоматов — из крупнокалиберных пулемётов и РПГ. Волков слышал характерный хлопок гранатомёта, потом взрыв, потом крики на арабском и французском. Туареги. Джихадисты. Все вместе, хотя обычно они друг друга не переваривают.

Он выбрался через командирский люк, упал на песок. Сзади горел «Тигр», рядом — «Урал» с контейнерами. Брезент сторел, и Волков увидел их. Ящики. С серыми боками. И один — с волной.

Кто-то схватил его за плечо.

— Живой? — крикнул Бережной. Лицо в копоти, кровь на скуле.

— Живой!

— Бежим! Конвой разбит! Туареги с флангов заходят!

Волков оглянулся. Колонна горела. Три БТР подбиты, два «Тигра» тоже. Грузовики развернулись, пытаясь уйти назад, но из темноты били гранатомёты. Люди падали, кричали, умирали. Никто не знал, сколько их. Может быть, полсотни. Может быть, сотня.

Они побежали в сторону, где не было огня.

Но Волков успел заметить, как двое в чёрной форме без опознавательных знаков подошли к «Уралу» с контейнерами. Не туареги. Не джихадисты. Свои. Но не из Корпуса. Они что-то делали с ящиками, доставали, перегружали в другой грузовик — не военный, с гражданскими номерами.

Бережной дёрнул его за рукав:

— Не смотри туда! Бежим!

Волков побежал.

Потом был ещё один взрыв. Рядом. Волкова отбросило на несколько метров, ударило о камень, перевернуло. Он не потерял сознание, но ноги не слушались. Бережной лежал рядом — мёртвый. Осколок перерезал ему сонную артерию. Кровь чёрной лужей растекалась по песку, быстро впитываясь, оставляя тёмное пятно, почти незаметное в лунном свете.

Волков пополз. Не знал куда. Просто подальше от огня, от криков, от смерти.

Песок был тёплым. Странно: ночью в пустыне холодно, но сейчас он чувствовал тепло. Может быть, от крови, которая текла из раны в боку. Может быть, от огня. Может быть, от того, что его тело уже не знало, живёт оно или умирает.

Он нашупал в кармане спутниковый телефон. Работал. Полоса приёма — одна, но этого хватало для сообщения. Он набрал координаты. Те, что запомнил, когда они проезжали этот участок. И те, что увидел на контейнере — серийный номер, начинающийся с «CL».

Сделал фото. Контейнер с волной — последнее, что он успел снять, прежде чем тот исчез в гражданском грузовике.

Написал сообщение. Одно слово. Единственный контакт, который в этот час, в этом месте, мог ему помочь.

«Чистилище. Документы. Координаты. Передайте в "Сигнал". Волков».

Отправил.

Потом уронил телефон в песок. Не спрятал — просто уронил. Силы кончились.

Лёжа на спине, он смотрел в небо. Звёзды стали ярче. Или это его глаза угасали? Он не знал. Он знал только, что не доживёт до рассвета. Что его тело найдут малийские военные или туареги. Что контейнеры с волной исчезнут. Что его имя, возможно, ничего не будет значить.

Но сообщение ушло.

Волков закрыл глаза.

Последнее, что он услышал, — тишину. И где-то далеко — женский плач. Или ему казалось.

Малийские военные нашли его через три часа. Он был жив, но без сознания. Спутниковый телефон лежал в песке в трёх метрах от тела. Координаты — стёрты. Фотография — удалена. Кто-то успел раньше.

В обгоревшем БТР, который до сих пор дымился, они нашли нестандартный груз: герметичные контейнеры с маркировкой «CL-2118» и «CL-2120». На одном из них, том, что стоял в глубине, под грудой сгоревшего брезента, был знак. Волна. Три изогнутые линии, нарисованные белой краской.

Майор Волков умер в вертолёте по дороге в госпиталь Бамако. Официальная причина — потеря крови. Неофициально — никто не расследовал.

Контейнеры исчезли. Вместе с телом Волкова. Вместе с документами. Вместе с доказательствами.

Через неделю малийские военные сообщили, что конвой «Африканского корпуса» попал в засаду террористов. Потери — 47 человек убитыми, 12 пропавшими без вести. Груз — уничтожен.

Никто не упомянул контейнеры с волной.

Никто не упомянул майора ГРУ Дмитрия Волкова.

Никто не спросил, почему гражданский грузовик уехал с места боя раньше, чем приехали военные.

Но сообщение ушло.

В подвальном офисе в Женеве, через шесть часов после того, как Волков отправил его, на зашифрованном канале «Сигнала» появилось новое уведомление.

Кира Соболева открыла его в 5:47 утра. Прочитала. Перечитала. Потом набрала номер Сиссе.

— У нас новое дело, — сказала она. — Мали. Волна. Контейнеры. «Чистилище».

— «Чистилище-4»? — спросил Сиссе, голос сонный, но уже напряжённый.

— Судя по всему. И это не Европа. Это Африка.

Она смотрела на экран. Координаты, которые кто-то успел стереть с телефона Волкова, но не успел стереть из самого сообщения. Пустыня. Север Мали. Кидаль.

Золото. Контейнеры. И символ волны.

Гераклит начинал новую игру.

ЧАСТЬ I. «ЗОЛОТОЙ ЯД»

ГЛАВА 1. «СИГНАЛ ИЗ ПЕСКА»

Женева, подвальный офис «Сигнала». 5:47 утра.

Запах в подвале на набережной Вильсон всегда был одним и тем же — бетонная пыль, смешанная с озоном от старых проводов и кофе, который заваривали здесь литрами и забывали выключать, пока он не превращался в чёрную, горькую жижу на дне турки. Лампы дневного света горели через одну — Кира считала, что яркий свет режет глаза, а Сиссе говорил, что это экономия. На самом деле никто просто не менял перегоревшие лампы. Некогда было.

Столы были заставлены мониторами, их экраны мерцали в полумраке, высвечивая лица людей, которые работали здесь последние несколько недель почти без перерыва. На стенах — карта Европы, утыканная красными флажками, и новая, только что повешенная, — карта Африки. Пока пустая. Но Кира знала, что скоро на ней появится первый флажок.

Она сидела за центральным столом, сжимая в руке кружку с зелёным чаем, который давно остыл. Глаза слипались — она не спала почти двое суток, проверяя данные о контейнерах, которые Zee нашла в портах Европы. Четвёртая фаза. Гераклит не останавливался. Он просто менял декорации.

Рядом, в кресле, дремал Сиссе. Он умел спать с открытыми глазами — старая армейская привычка. Тело отдыхало, но взгляд оставался цепким, готовым к любой опасности. Под левым глазом у него дёргался нерв — последствие старого ранения в плечо, которое никак не заживало до конца.

На экране ноутбука, стоящего на столе, горел зашифрованный чат. Последнее сообщение от Zee было пустым. Просто строка из символов, означающая: «Жду сигнала».

Кира ждала.

Она не знала, чего именно. Может быть, звонка от Глухаря, который уехал в Берлин проверять новый склад. Может быть, сообщения от Хадижи, которая рылась в парижских архивах, ища связи «Африканского корпуса» с офшорами Гераклита. Может быть, ничего.

Но в 5:47 утра что-то изменилось.

Экран чата мигнул. Новое сообщение. Не от Zee, не от Глухаря, не от Хадижи. От неизвестного отправителя. Аккаунт был создан за несколько минут до отправки — одноразовый, анонимный, который невозможно отследить даже для лучших хакеров мира.

Кира открыла сообщение.

Внутри были две вещи. Координаты. И фотография.

Координаты указывали на Север Мали, в пятидесяти километрах от города Кидаль. Там, где пустыня переходила в каменистое плато, где не было дорог, где даже туареги передвигались с осторожностью.

Фотография была размытой, сделанной дрожащей рукой, в темноте, с плохим освещением. Но главное было видно. Контейнер. Серый, металлический, размером с большой чемодан. И на его боку — символ. Волна. Три изогнутые линии, нарисованные белой краской.

Тот же символ, что на контейнерах в Майами. Тот же, что в Казани, Лондоне, Берлине. Тот же, что на папке Родригеса в первый день расследования.

Гераклит.

Кира прочитала сообщение ещё раз. Текст был коротким, без приветствий, без подписи:

«Мали. Контейнеры. Волна. Они везут не оружие. Они везут смерть в банках. Чистилице-4. Начинается через десять дней. Передайте в "Сигнал". Я не могу больше».

Она смотрела на экран и чувствовала, как холод пробегает по спине. Не тот холод, который бывает от сквозняка. Другой — тяжёлый, липкий, который поднимается изнутри, сжимает горло, заставляет сердце биться чаще.

Чистилище-4.

Первая фаза была на Hondius. Вторая — на стадионах. Третья — распределённая сеть в Африке и Азии, которую они сорвали, но не полностью. А четвёртая, судя по всему, запущалась прямо сейчас.

Не Европа. Африка.

— Сиссе, — позвала она.

Он открыл глаза мгновенно — без стога, без вопроса, только взгляд, который через секунду оценил обстановку, понял, что случилось что-то важное, и спросил:

— Что?

— Посмотри.

Она развернула ноутбук к нему.

Сиссе прочитал, приблизил фотографию, всмотрелся в символ волны.

— Откуда?

— Не знаю. Анонимный аккаунт. Создан за пять минут до отправки. Адрес не отследить.

— Координаты?

— Север Мали. Кидаль. Там, где «Африканский корпус» неделю назад попал в засаду туарегов.

Сиссе замолчал. Он знал об этом. Все знали. Новости облетели мир — российские наёмники, десятки погибших, колонна разбита, контейнеры с золотом уничтожены. Официальная версия.

Но фотография контейнера с волной не вписывалась в эту версию.

— Думаешь, это правда? — спросил он.

— Думаю, что кто-то рискнул жизнью, чтобы передать это. Волков. Майор ГРУ. Его нашли в пустыне, он умер по дороге в госпиталь. Официально — потеря крови.

— А неофициально?

— Неофициально его убили. Или дали умереть. Потому что он видел то, чего не должен был видеть.

Сиссе подошёл к карте Африки.

— Кидаль, — сказал он, проводя пальцем по пустыне. — Золото. Кустарные шахты. Местные говорят, что «Африканский корпус» контролирует их уже полгода. Не официально, но по факту.

— Что они там делают?

— Охраняют. Или грабят. В Мали никто не разбирается. Власть у хунты, хунта у наёмников, наёмники у денег.

— А деньги у Гераклита.

— Возможно.

Кира встала, подошла к карте. Всмотрелась в пустоту Сахары, где не было ничего, кроме песка, камней и редких оазисов.

— Что, если контейнеры — это не золото? — сказала она. — Что, если это то, чем Гераклит заплатит за контроль?

— Яд? — Сиссе повернулся к ней.

— Хуже. Они уже использовали вирусы. Теперь, возможно, химия. Или радиация. Золотой прииск — идеальное место для того, чтобы спрятать то, что нельзя везти через границы.

Сиссе молчал. Он смотрел на фотографию — размытую, дрожащую, последнее сообщение майора, который умер в пустыне, пытаясь предупредить их.

— Десять дней, — сказал он. — Есть время.

— Или нет.

Кира села обратно за стол, открыла зашифрованный чат. Написала Глухарю:

«Мали. Контейнеры. Волна. Координаты пришлю. Четвёртая фаза. Цель — не Европа. Африка. Готовься к вылету».

Ответ пришёл через минуту:

«Видел. Уже в Берлине, но могу вылететь через четыре часа. Куда?»

«Пока не знаю. Жди».

Она написала Хадиже:

«Новое сообщение. Мали. Контейнеры с волной. Проверь связи «Африканского корпуса» с офшорами Гераклита. Срочно».

Ответ:

«Уже работаю. Нашла кое-что. Компания-подрядчик «African Logistics Solutions». Зарегистрирована на Виргинских островах. Деньги идут через счёт в Дубае. Проверяю дальше».

Кира посмотрела на Сэма — он был на связи из Балтимора, сонный, небритый, с красными глазами, но уже открывал файлы.

— Сэм, — сказала она в микрофон. — Мне нужно, чтобы ты проверил образцы воды из Нигера. Токсины. Ртуть, цианид, всё, что может убивать медленно.

— Почему именно Нигер? — спросил он, почёсывая щетину.

— Потому что Кидаль находится в бассейне Нигера. Если они что-то сливают в реки, вода идёт на юг — через Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Сенегал. Миллионы людей.

— Я понял, — Сэм уже печатал, открывая заявки на анализы. — Буду через несколько часов.

— Не через несколько часов. Сейчас.

— Сейчас не получится. Лаборатории закрыты.

— Открой.

Сэм вздохнул. Он знал, что спорить бесполезно.

— Хорошо. Буду через час.

Кира отключилась, откинулась на спинку стула. Голова гудела. Она не спала слишком долго, и организм требовал отдыха, но мозг отказывался подчиняться. Слишком много данных. Слишком мало времени.

Сиссе сел напротив, положил на стол планшет с картой Африки.

— Ты уверена, что это не ложный след? — спросил он. — Гераклит уже пытался отвлечь нас. В Лондоне, когда взорвали стадион. В Берлине, когда напали на гостиницу.

— Уверена, — ответила Кира. — Волков был из ГРУ. Он знал, что такое Гераклит. И он не стал бы рисковать жизнью ради фальшивки.

— Откуда ты знаешь, что он из ГРУ?

— Зее проверила его имя. Майор Дмитрий Волков. Служил в спецназе, потом в разведке. Участвовал в операциях в Сирии, Ливии, ЦАР. В 2025 году прикомандирован к «Африканскому корпусу».

— И как он узнал про Гераклита?

— Не знаю. Может быть, увидел то, что не должен был увидеть. Может быть, услышал разговор. Может быть, его люди работали с контейнерами.

Кира замолчала. Она смотрела на фотографию — контейнер с волной, который исчез вместе с телом Волкова, вместе с документами, вместе с доказательствами.

— У нас есть координаты, — сказала она. — И есть десять дней. Этого достаточно, чтобы понять, что Гераклит задумал.

— И остановить их?

— Или умереть, пытаюсь.

Сиссе усмехнулся. Усмехнулся по-своему, по-африкански — одними уголками губ, без звука.

— Когда вылетаем? — спросил он.

— Через двенадцать часов. Я свяжусь с Лёхой, он организует частный самолёт. Маршрут — Женева — Бамако. Оттуда — на север.

— А охрана?

— Туареги. У Сиссе есть знакомые среди них.

— Откуда?

— Воевали вместе в Центральноафриканской Республике. Доверяю им больше, чем местной полиции.

Кира кивнула. Она знала, что Сиссе не говорит лишнего. Если он доверяет туарегам, значит, они не предадут.

— Тогда готовься, — сказала она. — Летим в пекло.

За окном подвала, на набережной Вильсон, начинало светать. Женева просыпалась — машины, трамваи, люди, спешащие на работу. Никто из них не знал, что под землёй, в бетонном убежище, решалась судьба миллионов.

Кира смотрела на карту Африки. Пустая пока. Но скоро на ней появятся красные точки. Много красных точек.

Гераклит не останавливался. Он просто менял континент.

А команда «Сигнал» летела за ним.

ГЛАВА 2. «ТОТ, КТО ВЫЖИЛ»

Бамако, госпиталь «Point G». 14:30 по местному времени.

Жара в Бамако стояла такая, что воздух дрожал над асфальтом, превращая город в мираж. Даже в тени больничных стен, сложенных из толстого, пористого кирпича, который веками держал прохладу, температура не опускалась ниже тридцати пяти. Вентиляторы под потолком гоняли тёплый, влажный воздух, пахнувший хлоркой, антибиотиками и чем-то ещё — сладковатым, приторным, похожим на разлагающиеся цветы. Или на смерть.

Кира стояла у окна в приёмном покое, смотрела на улицу, где редкие тачки — старые «Тойоты» с разбитыми стёклами — везли людей, которые не могли позволить себе частную клинику. Рядом, на жёстком пластиковом стуле, сидел Сиссе, листал потрёпанный блокнот, в который записывал всё, что они узнали за последние сутки. Их полёт из Женевы в Бамако занял почти девять часов — частный самолёт, который Лёха организовал через знакомых в Марокко, летел на малой высоте, обходя зоны турбулентности и военные радары.

Они приземлились в аэропорту Бамако в 6 утра, прошли паспортный контроль по поддельным документам — Зинаида сделала их за ночь, с фотографиями, печатями, даже с визами, которых на самом деле не существовало. Сиссе договорился с местным таксистом — старым знакомым, воевавшим с ним в ЦАР, — и через час они были здесь, у ворот госпиталя «Point G», где, по информации Зее, лежал единственный выживший из отряда «Африканского корпуса».

Сержант по кличке «Саян». Настоящего имени никто не знал. Даже в документах, которые Зее сумела вытащить из закрытой базы данных Минобороны РФ, значилось только это слово — «Саян». Позывной, за которым не было ничего. Ни даты рождения, ни фотографии, ни биографии. Человек-призрак. Или человек, которого сделали призраком.

Кира повернулась к Сиссе.

— Что говорит местный врач?

— Тяжёлый, — ответил Сиссе, не поднимая головы от блокнота. — Осколочное ранение в грудь, задето лёгкое. Плюс контузия, плюс обезвоживание. Три дня был без сознания. Пришёл в себя только вчера.

— Он говорит?

— С трудом. Но следователи из Бамако уже допросили его — малийская армия хочет знать, что делал «Африканский корпус» на севере. Саян сказал, что они охраняли конвой. Золото. Больше ничего.

— А про контейнеры?

— Молчит. Или правда не знает, или боится.

— Или ему заплатили, чтобы он молчал.

Сиссе закрыл блокнот, поднял голову. В его глазах была усталость, которую не скрыть даже самой твёрдой волей. Он не спал уже вторые сутки — сначала полёт, потом пересадка, потом поиски такси, потом ожидание в госпитале.

— Единственный способ узнать правду, — сказал он, — это поговорить с ним самим.

— Нас не пустят. Он под охраной.

— Нас пустят.

Сиссе показал на корочку удостоверения, которая торчала из кармана его куртки. Интерпол. Подделка, но хорошая. Зее работала всю ночь, чтобы сделать её идеальной.

— Ты уверен, что это работает? — спросила Кира.

— В Мали? — Сиссе усмехнулся. — Здесь можно купить всё. Даже доступ к больничной палате.

Он встал, поправил куртку, сунул блокнот в карман джинсов. Кира пошла за ним.

Коридоры госпиталя «Point G» были длинными, узкими, с облупившейся краской на стенах и бетонными полами, которые мыли раз в день — утром, до того как начиналась жара. Пахло здесь сильнее, чем в приёмном покое. Пахло бедностью. И болезнями. И смертью, которая не делала различий между бедными и богатыми.

Охранник у входа в палату интенсивной терапии — молодой парень в форме малийской армии, с автоматом на груди и сонными глазами — попытался их остановить. Сиссе показал удостоверение Интерпола. Охранник посмотрел, не понял, но решил не спорить. Он кивнул и отошёл в сторону.

В палате стоял запах антисептиков и гноя. Капельница, датчики, монитор, который пищал, отсчитывая удары сердца. И человек на койке.

Саян был молодым — лет тридцать, не больше. Короткая стрижка, квадратная челюсть, левая рука в гипсе, грудь перебинтована, на лице — свежие шрамы от осколков. Глаза открыты, но взгляд блуждающий, мутный — последствия контузии и тяжёлых лекарств. Он смотрел в потолок и, казалось, не замечал, что кто-то вошёл.

Кира села на стул у кровати. Сиссе остался стоять у двери, прикрывая выход.

— Саян? — спросила Кира.

Он не ответил.

— Меня зовут Кира Соболева. Я расследую обстоятельства гибели вашего отряда. Мы из «Сигнала».

Никакой реакции. Только писк монитора. И дыхание — тяжёлое, с присвистом.

— Мы знаем о контейнерах, — продолжила Кира. — Символ. Волна. Мы знаем, что это не просто золото.

Саян повернул голову. Медленно, как будто каждое движение давалось с трудом. Посмотрел на Киру. Потом на Сиссе. Потом снова на Киру.

— Вы из тех, — сказал он. Голос хриплый, слабый, с сильным акцентом — сибирским, может быть, или дальневосточным.

— Из тех, — ответила Кира.

— Как вы меня нашли?

— Ваш майор, Волков, передал координаты перед смертью. Мы получили сообщение.

Саян закрыл глаза. На несколько секунд. Может быть, думал. Может быть, просто боролся с болью.

— Волков был хороший мужик, — сказал он, не открывая глаз. — Не такой, как остальные. Вопросы задавал.

— Какие вопросы?

— Про контейнеры. Про то, что в них. Ему не нравилось, что мы не знаем, что везём. Он говорил: «Саян, беда будет. Эти ящики не для золота. В них смерть».

— Что было в контейнерах?

Саян открыл глаза. Посмотрел на Киру долгим, тяжёлым взглядом.

— Я не знаю. Нам не говорили. Но я видел, как они их открывали. Один раз. Ночью, в пустыне. Бережной, капитан, подошёл к грузовику, открыл ящик. Оттуда пошёл пар. Белый. Он сразу закрыл. Сказал: «Не подходить. Это для учёных».

— Каких учёных?

— Не знаю. Он не сказал. Только — «не подходить».

Кира записала в блокнот. Белый пар. Химия. Или что-то ещё.

— Вы видели символ? — спросила она. — Волну?

— Да. На одном ящике. Белая краска. Я спросил у Бережного: «Что это?» Он сказал: «Не твоё дело, сержант». Больше я не спрашивал.

— Что было потом?

— Засада. Туареги. Джихадисты. Вместе, хотя обычно они друг друга не переваривают. Кто-то их навёл. Знак передал.

— Гераклит?

— Не знаю я никакого Гераклита, — голос Саяна стал резче. — Я знаю, что нас бросили. Контейнеры увезли на гражданских машинах до того, как подоспели военные. Документы исчезли. Волкова убили.

— Убили?

— Не осколком. Я видел. Кто-то подошёл к нему, когда он лежал без сознания. Вколол что-то. Через минуту он перестал дышать. Я хотел крикнуть, но не мог — меня самого ранило.

Кира и Сиссе переглянулись.

Инъекция. Как в Москве, когда убили Петрова. Как в Дубае, когда убили Мюллера. Тот же почерк. Та же рука — или тот же заказчик.

— Кто это был? — спросил Сиссе.

— Не знаю. Лица не видел. Форма — как у нас, но без знаков отличия. Свои, но чужие.

Саян замолчал. Он смотрел в потолок, и Кира видела, как по его щеке течёт слеза. Не слабость. Ярость, которую невозможно выразить словами.

— Он знал, — прошептал Саян. — Волков знал, что умрёт. Поэтому и передал вам координаты.

Кира встала.

— Спасибо, Саян. Мы постараемся найти тех, кто это сделал.

— Найдите, — ответил он. — Если не вы, то никто.

Они вышли из палаты. Охранник проводил их взглядом, но ничего не сказал.

Женева, подвальный офис. 11:47.

Глухарь сидел за своим столом, смотрел на экран, где горела карта Мали, и пил чёрный кофе без сахара. Рядом на столе лежали распечатки — финансовые отчёты, платёжные поручения, схемы офшорных переводов. Хадижа прислала их час назад, перед тем как уйти в архив.

Кира позвонила по спутниковому телефону.

— Глухарь, мы поговорили с Саяном. Он подтвердил: контейнеры везли не золото. Что-то другое. Белый пар. Опасный.

— Химия?

— Возможно. Сэм проверяет образцы воды, которые мы взяли у Нигера. Через несколько часов будут результаты.

— Что с Африкой?

— Мы с Сиссе летим на север, к Кидалю. Туареги обещали помощь.

— А я?

— Остаёшься в Европе. Отслеживай финансы. Аверьянов — ключевая фигура. Найди его следы в офшорах.

— Понял.

— И ещё, Глухарь... — Кира помолчала, подбирая слова. — Береги себя. Они знают, кто мы. Если вычислят тебя — не рискуй.

— Не узнают, — ответил он. — И не найдут.

— Береги себя, — повторила Кира.

— Всегда.

Глухарь отключился. Он посмотрел на распечатки. «African Logistics Solutions». Виргинские острова. Счёт в Дубае. Деньги уходили оттуда в Швейцарию, потом в Россию, потом снова в Дубай. Как вода в круговороте. Как смерть, которая не может найти покоя.

Он открыл ноутбук, начал новую линию поиска.

Генерал Андрей Аверьянов. Куратор «Африканского корпуса». Человек, который, возможно, знал о контейнерах всё.

И который, возможно, был одним из Голосов.

Глухарь сунул в рот ещё одну сигарету, щёлкнул зажигалкой. Дым поплыл к потолку, смешиваясь с запахом кофе и одиночества.

— Где ты, генерал? — прошептал он.

Экран молчал.

Но ответ был где-то там. В офшорах. В платёжках. В цифрах, которые не врут.

Он начал копать.

ГЛАВА 3. «ПАРИЖСКИЙ АРХИВ»

Париж, 18-й округ, квартира Хадижи. 10:47 утра.

Дождь в Бельвиле шёл уже третьи сутки. Не тот парижский дождь, который вдохновляет поэтов и заставляет влюблённых целоваться под зонтами. Холодный, мелкий, настырный, он проникал под одежду, забирался в ботинки, оставлял на коже липкое, неприятное ощущение, от которого хотелось закрыться дома и никуда не выходить. Но Хадижа не могла себе этого позволить. У неё была работа.

Она сидела за своим рабочим столом, перед тремя мониторами, и чувствовала, как напряжение последних дней превращается в знакомую, почти привычную тяжесть в затылке. Кофе в джезве давно остыл, на поверхности застыла тонкая коричневая плёнка. На улице, внизу, у подъезда, белый фургон с дипломатическими номерами всё ещё стоял на своём обычном месте — в тени старого платана, чьи корни вздыбили асфальт. Фургон не двигался. Не выключался. Просто ждал. Как напоминание о том, что Гераклит не забыл о ней.

Хадижа уже привыкла. Она перестала выглядывать в окно каждые пять минут, перестала проверять, не вышел ли кто-то из тёмных стёкол. Она просто работала. Потому что работа была единственным, что могло их остановить.

На экране центрального монитора была открыта база данных компаний, зарегистрированных на Виргинских островах. Хадижа получила к ней доступ через знакомого аудитора, который работал в международной фирме «Deloitte» и имел право запрашивать информацию в офшорных реестрах — по крайней мере, ту, что не была скрыта за семью печатями. Денег он не взял — сказал, что делает это из принципа. Но Хадижа знала: принципы кончаются там, где начинается страх. А страх заставлял людей молчать.

Она искала компанию «African Logistics Solutions». Та самая, которую упомянул Саян — подрядчик «Африканского корпуса», перевозивший контейнеры. Zee нашла её в платёжных поручениях, которые перехватила с серверов Гераклита. Компания существовала на бумаге — и нигде больше. Номер счёта, юридический адрес, подпись директора. Но директор был номинальным, адрес — виртуальным офисом, счёт — пустым. Деньги уходили дальше, в лабиринт офшоров, который Хадижа распутывала уже четвёртый час.

Она начала с самого простого — проследила платежи, которые шли от «Африканского корпуса» к «African Logistics Solutions». Суммы были крупными — от ста тысяч до полумиллиона долларов. Назначение — «логистические услуги». Но ни одного конкретного контракта, ни одной накладной, ни одного доказательства того, что эти услуги вообще были оказаны.

Второй шаг — от «African Logistics Solutions» дальше, на счёт в Дубае. Банк назывался «Gulf International». Хадижа ничего о нём не знала — он не входил в списки банков, с которыми работала. Только через Zee можно было получить доступ к его данным.

Третий шаг — из Дубая обратно в Европу, в швейцарский банк, который Хадижа узнала сразу. UBS. Тот самый, где у Гераклита были счета. Тот самый, через который платили Ковалёву, Мюллеру, Лэнгдону. Знакомая цепочка. Знакомые имена.

Но сегодня она нашла новое звено.

Компания, зарегистрированная в Швейцарии, называлась «Helix Holdings». Создана в 2019 году, через год после того, как «Helix Bio» начала активную работу в Африке. Учредители — двое, оба — номиналы. Но в одном из документов, который хадижа вытащила из архива швейцарского торгового реестра, была пометка: «Бенефициарный владелец — Михаил Борисович Левин».

Тот самый Левин, которого назвал Громов. Владелец «Helix Bio». Человек, который, возможно, и был Чистильщиком.

Хадижа сжала кулаки. Пальцы побелели на костяшках.

Левин не просто владел «Helix Bio». Через «Helix Holdings» он владел долей в «African Logistics Solutions» — небольшой, всего семь процентов, но достаточной, чтобы влиять на решения. А «African Logistics Solutions» была подрядчиком «Африканского корпуса».

Цепочка замкнулась.

Гераклит — «Helix Bio» — Левин — «Helix Holdings» — «African Logistics Solutions» — «Африканский корпус» — контейнеры с волной.

Всё было связано. Всё вело к одному имени.

Хадижа открыла новый документ и начала писать.

Она работала без перерыва, пока за окном дождь не сменился серым, туманным полднем, а потом — ранними сумерками, которые в Париже в мае наступают неожиданно и крадут день, как вор крадёт кошелек в метро.

Она нашла ещё несколько связей.

«Helix Holdings» переводила деньги не только в «African Logistics Solutions». Были и другие компании — в Нигере, в Буркина-Фасо, в Сенегале. Все они занимались логистикой. Все — имели счета в тех же банках. Все — были зарегистрированы на одних и тех же номинальных директоров.

И все они получали деньги от «Африканского корпуса».

Не наоборот. От Корпуса — подрядчикам.

Это было странно. Обычно наёмники получают деньги за охрану. Здесь же они платили тем, кого охраняли.

Значит, контейнеры были не просто грузом. Они были целью. Корпус не охранял их — он их перевозил. И платил за это.

Кому?

Левину. «Helix Bio». Гераклиту.

Хадижа постучала пальцами по столу. Металлическая поверхность отозвалась глухим звоном. В комнате было тихо — только шум вентилятора ноутбука и редкие шаги соседей сверху.

— Зачем тебе это, Михаил Борисович? — спросила она у пустоты. — Зачем тебе контейнеры в Мали? Что в них?

Ответа не было.

Но у неё была одна зацепка. В документах «Helix Holdings» она нашла приписку, сделанную от руки на полях одного из контрактов: «Контейнеры CL-2120 — доставить в порт Дакар до 15 мая. Получатель — лаборатория Дакара».

CL-2120.

Новый код. Не 2117, не 2118. 2120.

Что это было? Новый вирус? Химия? Радиация? Или что-то другое, о чём они даже не догадывались?

Хадижа сохранила все файлы на флешку — три копии, как учил её Сэм. Одну — в карман, вторую — в рюкзак, третью — в сейф отеля, который она сняла на случай, если квартиру будут обыскивать.

Потом набрала номер Киры.

— Кира, у меня есть имя, — сказала она. — Левин. Михаил Борисович. Он владеет долей в компании, которая перевозила контейнеры для «Африканского корпуса».

— Чистильщик? — голос Киры был хриплым — она была в пути, в машине, ехавшей по пустыне.

— Возможно. Или один из Голосов. Я нашла новый код — CL-2120. Контейнеры должны были доставить в Дакар.

— Дакар? Это же Сенегал. Порт.

— Да. И лаборатория. Хадижа пролиставала документы. — В Дакаре есть лаборатория, которая сотрудничает с «Helix Bio». Исследовательский центр по тропическим болезням.

— Ты думаешь, контейнеры везут туда?

— Или оттуда.

Кира замолчала. Хадижа слышала, как она дышит — тяжело, с присвистом. Пустыня. Жара. Дорога, которая не кончается.

— Проверь эту лабораторию, — сказала Кира. — Узнай, кто там работает, какие проекты ведёт.

— Уже делаю.

— И будь осторожна. Если Левин — Чистильщик, он не остановится перед тем, чтобы убрать свидетелей.

— Я знаю.

Хадижа отключилась.

Она посмотрела в окно. Уже стемнело. Фонари зажглись, освещая мокрый асфальт и белый фургон, который всё ещё стоял у её дома. В салоне горел тусклый свет — кто-то сидел внутри, смотрел в телефон, ждал. Может быть, её. Может быть, другого.

Она задернула шторы.

Вернувшись за стол, Хадижа открыла новую вкладку.

Исследовательский центр тропических болезней в Дакаре. Солидное учреждение, с историей, с грантами от ВОЗ, с публикациями в престижных журналах. Ничего подозрительного. Если бы не одно «но».

Директор центра, доктор Усман Диалло, входил в наблюдательный совет «Helix Bio». Его имя не было в списке 2118 — Хадижа проверила дважды. Но это не означало, что он был чист.

Она нашла его фотографию — высокий, седой мужчина лет шестидесяти, в белом халате, с доброй улыбкой. Человек, который спасал жизни. Или человек, который закрывал глаза на то, как эти жизни убивали.

Хадижа сохранила фотографию, открыла новый документ.

«Директор дакарской лаборатории — возможный посредник Гераклита. Проверить связи. Узнать, что он знает о контейнерах CL-2120».

Она отправила это Кире, Сиссе, Глухарю, Сэму, Зее. Пусть думают.

Потом закрыла ноутбук и подошла к окну.

Белый фургон всё ещё стоял. Дождь кончился. Лужи на асфальте отражали свет фонарей, превращая улицу в чёрное, маслянистое зеркало.

Хадижа задернула шторы плотнее.

Засыпая, она слышала, как внизу завёлся двигатель. Фургон уехал. Через час вернулся. На новое место, под другим фонарём.

Они не оставят её. Никогда.

Она закрыла глаза. Мысли путались. Кофе. Документы. Левин. CL-2120. Дакар. Лаборатория. Волна.

Волна была везде.

Даже здесь, в Париже, в её квартире, где она думала, что в безопасности.

ГЛАВА 4. «БАЛТИМОРСКИЕ ПРОБЫ»

Балтимор, лаборатория Университета Джонса Хопкинса. 3:47 утра.

Ночь в лаборатории никогда не бывает тихой. Даже когда все уходят, даже когда гаснут лампы в коридорах и охрана обходит пустые этажи, оборудование продолжает жить своей жизнью. Центрифуги гудят на низкой частоте, холодильники щёлкают реле, вентиляция гонит воздух с характерным, убаюкивающим шумом, от которого у тех, кто работает здесь по ночам, начинает болеть голова. А если не начинается — значит, организм привык. Значит, здесь стало домом.

Сэм Диаз сидел за своим рабочим столом, окружённый тремя мониторами, и чувствовал, как привычная усталость последних недель превращается в нечто острое, почти болезненное. Он не спал уже тридцать шесть часов — сначала расшифровывал геном вируса 2118, который всё ещё всплывал в анализах европейских клиник, потом проверял данные о новых контейнерах, которые Зее находила в портах Европы, а теперь — анализировал пробы воды из реки Нигер.

Пробы пришли вчера вечером. Посылка из бамакской клиники, где работал его старый знакомый по «Врачам без границ», французский эпидемиолог по имени Жан-Поль Леклерк. Сэм знал его ещё со времён работы в Демократической Республике Конго — вместе они выезжали на вспышки Эболы, вместе спали в палатках, вместе теряли пациентов, которых не смогли спасти. Жан-Поль был хорошим врачом и честным человеком. Он не задавал лишних вопросов, когда Сэм попросил его взять образцы воды. Он просто взял и отправил.

В посылке были три пластиковых контейнера с мутноватой, зеленоватой жидкостью. Каждый был подписан: «Нигер, верхнее течение», «Нигер, среднее течение», «Нигер, нижнее течение». Даты отбора — 20, 21 и 22 апреля. За шесть дней до засады под Кидалем.

Сэм начал с верхнего течения. Вода была почти чистой — минимальные примеси, стандартные для африканских рек в сезон дождей. Ничего подозрительного.

Среднее течение — чуть мутнее, чуть больше взвеси. Но всё ещё в пределах нормы.

Нижнее течение — там, где Нигер протекает через промышленные районы Мали, где есть кустарные шахты, золотые прииски, нелегальные производства. Вода была тёмной, почти чёрной, с маслянистой плёнкой на поверхности. Запах — сладковатый, приторный, похожий на гниющие водоросли.

Сэм поместил образец в хроматограф — прибор, который разделял смесь на отдельные компоненты и определял их концентрацию. Процесс занял около часа. Всё это время он сидел перед экраном, сжимая в руке чашку с растворимым кофе, который давно остыл и превратился в горькую, холодную жижу на дне.

Когда хроматограф пискнул, сигнализируя о завершении анализа, Сэм открыл результаты.

Ртуть — 0,47 миллиграмма на литр.

Предельно допустимая концентрация по нормам ВОЗ — 0,001 миллиграмма.

В 470 раз выше нормы.

Цианид — 12,3 миллиграмма на литр.

ПДК — 0,07 миллиграмма.

В 175 раз выше нормы.

Сэм откинулся на спинку стула, закрыл глаза. В голове гудело — от усталости, от шока, от осознания того, что эти цифры означали.

Ртуть и цианид используются при кустарной добыче золота. Цианид — для выщелачивания металла из руды. Ртуть — для амальгамации. В нормальных условиях, на легальных

производствах, эти вещества утилизируются — сжигаются, нейтрализуются, захораниваются в специальных контейнерах. А там, где нет контроля — их просто сливают в ближайшую реку.

Но 470 и 175 раз — это не просто слив. Это систематическое, организованное отравление. Кто-то целенаправленно сбрасывал токсины в Нигер. Много. Регулярно. Возможно, каждый день.

Сэм открыл глаза, снова посмотрел на цифры. Потом проверил даты. Образцы были взяты до засады. До того, как Волков передал координаты. До того, как контейнеры с волной исчезли.

Значит, отравление началось раньше.

И контейнеры, которые вез «Африканский корпус», могли быть чем угодно — реактивами, концентратами, новыми партиями ядов. Или чем-то другим.

Он позвонил Кире в 4:15 утра. Она не спала — в Мали было около 7 утра, она уже была в пути.

— Сэм? — голос её был хриплым, но собранным.

— Ртуть и цианид. В Нигере. Концентрации — сотни ПДК.

— Сотни?

— 470 по ртути. 175 по цианиду. Это не случайность. Кто-то сбрасывает отходы систематически.

— Шахты?

— Возможно. Но для этого нужно много цианида. Легальные шахты не сливают — они утилизируют. А нелегальные не имеют доступа к таким объёмам. Кто-то поставляет им химикаты.

— Контейнеры?

— Думаю, да. — Сэм открыл другой файл, где были данные о маркировке CL-2120. — Хадижа нашла новый код. CL-2120. Контейнеры должны были доставить в Дакар.

— В лабораторию?

— Не знаю. Может быть, на склад. Может быть, на переработку. Но я проверю.

— Проверь. И скажи мне, что делать с этими пробами.

— Ничего. Не пейте воду. Не используйте её даже для мытья рук. Ртуть накапливается в организме. Цианид убивает быстро.

— У нас нет другой воды.

— Тогда кипятите. Кипячение разрушает цианид. Частично. Но ртуть остаётся. Лучше используйте бутилированную.

— Её нет в пустыне.

Сэм замолчал. Он знал, что Кира права. В северном Мали, где они сейчас находились, чистой воды не было. Только колодцы, только реки, только источники, которые могли быть отравлены.

— Постарайтесь найти источник, — сказал он. — Я попробую определить, откуда идёт сброс.

— Уже работаем.

Кира отключилась.

Сэм вернулся к анализу. Он проверил образцы на другие токсины — мышьяк, кадмий, свинец. Всё было в пределах нормы. Только ртуть и цианид. Будто кто-то использовал их как коктейль. Идеальное сочетание для медленной, мучительной смерти.

Ртуть поражает нервную систему. Начинается с головных болей, слабости, бессонницы. Потом — потеря зрения, паралич, кома. Цианид — быстрее. Он блокирует усвоение кислорода клетками. Удушье. Смерть от гипоксии.

Вместе они создавали эффект, которого врачи боялись. Болезнь, которую нельзя диагностировать быстро. Симптомы, которые списывают на малярию, тиф, лихорадку. Время, которого нет.

Сэм открыл карту бассейна Нигера. Река текла с запада на восток, через Гвинею, Мали, Нигер, Бенин, Нигерию. Миллионы людей пили эту воду. Миллионы мылись в ней. Миллионы поливали ею поля.

Если отравление продолжалось — а он подозревал, что продолжалось, — через год, два, три в регионе начнётся гуманитарная катастрофа. Не быстрая, как эпидемия. Медленная, как распад. Люди будут умирать десятками тысяч. Врачи не поймут почему. Власти не признают проблему. Гераклит уже получит своё.

Он позвонил Хадиже.

— Хадижа, пробы показали высокую концентрацию ртути и цианида. Кто-то сливает их в Нигер.

— «Африканский корпус»?

— Или те, кто за ними стоит.

— Левин?

— Возможно. Проверь его связи с химическими компаниями. У него мог быть доступ к реактивам через «Helix Bio».

— Я проверю.

— И ещё. CL-2120. Что это может быть?

— Не знаю. Ни одного упоминания в документах. Только код и дата доставки.

— Код может означать год. 2120 — это будущее. Или проект, рассчитанный на долгую перспективу.

— Ты думаешь, Гераклит планирует не просто убить людей, а уничтожить экосистему?

— Думаю, да. Чистилище — это не только смерть людей. Это смерть земли, воды, воздуха. Остановить жизнь на десятилетия.

— Тогда мы должны остановить их сейчас.

— Мы пытаемся.

Хадижа отключилась.

Утром, когда в Балтиморе взошло солнце, Сэм всё ещё сидел за столом. За окном лаборатории, в сером, влажном небе, кричали чайки. Где-то внизу, на парковке, заводили машины. Начинался новый день. Люди ехали на работу, не зная, что в Африке, в реке, которая давала жизнь миллионам, текла смерть.

Сэм открыл зашифрованный чат. Написал Кире, Сиссе, Глухарю, Хадиже, Зее.

«Пробы подтверждают: ртуть и цианид. Концентрации — сотни ПДК. Источник — кустарные шахты или контейнеры. CL-2120 — новый код. Возможно, химическое оружие. Будьте осторожны. Не пейте воду из Нигера».

Ответ пришёл от Зее: «Проверяю суда, заходящие в порт Дакар. Ищу контейнеры CL-2120».

От Глухаря: «Еду в Дакар. Встретимся там».

От Сиссе: «Понял. Будем искать источник на месте».

Кира не ответила. Может быть, не было сети. Может быть, она уже была там, где телефоны не работают.

Сэм выключил ноутбук, встал. Ноги затекли, поясница болела. Он подошёл к окну, посмотрел на Балтимор — серый, проснувшийся, равнодушный.

Он думал о реке Нигер. О том, что она течёт через всю Западную Африку. О том, что её отравление нельзя остановить быстро. И о том, что у них оставалось всего девять дней до того, как Гераклит запустит «Четвёртую фазу».

«Чистилище-4».

Он не знал, что это значит. Но знал, что должен найти ответ.

Вернувшись за стол, он открыл базу данных научных публикаций. Ввёл ключевые слова: «ртуть», «цианид», «Африка», «золото», «отравление».

Результатов было много. Статьи о загрязнении рек. Отчёты экологических организаций. Исследования о влиянии токсинов на здоровье.

Но одна ссылка привлекла его внимание. Публикация в «Journal of Environmental Science», датированная 2024 годом. Авторы — группа учёных из Университета Ганы. Тема — «Химическое загрязнение реки Анкобра в результате нелегальной добычи золота».

Сэм открыл статью. Авторы писали о том, что концентрация ртути в реке Анкобра достигает 0,3 мг/л — почти в сто раз выше нормы. Причиной называли кустарные шахты, которые использовали ртуть для амальгамации и не утилизировали отходы.

Но в статье было нечто странное. В разделе «Благодарности» авторы упоминали «Helix Bio» и лично доктора Михаила Левина за «финансовую поддержку и помощь в проведении исследований».

Левин. Снова Левин.

Он не только владел компанией, которая перевозила контейнеры. Он финансировал исследования загрязнения рек. Там, где потом находили высокую концентрацию токсинов.

Зачем ему это?

Может быть, он хотел понять, сколько яда нужно, чтобы убить реку. Может быть, он тестировал свои контейнеры. Может быть, он собирал данные для отчёта Гераклиту.

Сэм сохранил статью, сделал пометки, отправил Хадиже.

«Левин финансирует исследования загрязнения рек в Африке. Это не совпадение. Он тестирует своё оружие».

Ответ пришёл через минуту:

«Вижу. Копаю дальше».

Сэм выключил компьютер. В лаборатории было тихо.

Он знал, что должен спать. Но не мог. Каждые несколько минут в голове всплывали цифры — 0,47, 12,3, 470, 175. Концентрации, которые не имели права существовать в природе. Смерть, которая текла по реке, незаметная, тихая, как вода.

Он закрыл глаза.

Перед внутренним взором поплыла карта Африки. Красные точки — места, где были отравлены реки. И одна точка — Дакар, порт, куда должны были доставить контейнеры CL-2120.

Завтра он свяжется с Жан-Полем. Попросит взять новые пробы. Выше по течению, ближе к шахтам.

А сегодня — только тишина. И цифры.

И река, которая умира

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.